

НАУКА И РЕЛИГИЯ: АБСОЛЮТНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

АЛЬТЕРНАТИВЫ

В объяснении природы наука и религия противоположны по исходной методологии. В истолковании человека как надприродного существа они равноправны, что вытекает из социально обусловленного единства рационального и мистического в понимании человека. Рационально обосновать деятельность человека невозможно, поскольку его бытие в своей основе имеет насильственный характер, общество характеризуется отношением “цель - средство” в качестве фундаментального отношения и не может формулировать цели вне рамок социальной утопии или религиозного мифа.

Тезис о необходимости гуманитаризации высшего технического образования целесообразно дополнить “обратным” тезисом об обязательности естественнонаучной и инженерно-технической обоснованности самого гуманитарного знания, предполагающего формулирование объективного закона социального бытия. Однако здесь больше вопросов, чем ответов.

Отдельная проблема – соотношение науки и религии: это антиподы, взаимодополняющие друг друга вещи или нечто единое? Применительно к объяснению природы они противоположны по исходной методологии, но их противоположность здесь относительна с позиций всеобщности, недоступной конкретно-исторической ограниченности познания. Собственно проблема возникает на почве понимания человека и общества. Наука связывает природу с наличием естественной закономерности и отвергает какое-либо духовное, действующее волевое начало в объективной реальности. Религия, напротив, провозглашает наличие объективно существующей сверхъестественной силы, определяющей упорядоченность, гармонию бытия. Однако в гносеологическом плане противоположность науки и религии относительна в силу исторической относительности самой истины независимо от ее мировоззренческой принадлежности. Иначе говоря, ни наука, ни религия не могут обеспечить абсолютную достоверность своих высказываний и требуют априорного признания некоторых исходных положений. Примером может служить проблема происхождения Вселенной, решаемая наукой с помощью гипотезы Большого взрыва, а религией с помощью мифа о творении мира Богом, но в

обоих вариантах решения не выходящая за рамки допущения. Даже, казалось бы, в безусловном преимуществе науки, заключающемся в том, что она обеспечивает человека реальными ресурсами жизни, а не “кормит” его мифическими пятью хлебами, наука не имеет слова последней, потому что не в состоянии обеспечить всеобщее выживание людей и дает основания для своего отрицания, поскольку в реализации своей производственной функции оказывается бессильной в предотвращении глобальных проблем, а к тому же, поставляет не только средства жизни (орала), но и средства смерти (мечи). Сциентизм, означающий не что иное, как веру в науку, находит свое отрицание в антисциентизме, т.е. в расшатывании этой веры. История демонстрирует изменение объекта и характера веры, но одновременно обнаруживает ее непреодолимость.

Что касается истолкования человеческого способа жизни, и в первую очередь, духовности, человеческой экзистенциальности, т.е. в истолковании человека как надприродного существа, наука и религия равноправны. Более того, религия здесь более активна и продуктивна, поскольку не только объясняет человеческую жизнь, но и задает ее позитивную практическую нормативность, например, в виде заповедей, тогда как наука не в состоянии предложить ни то, ни другое. Естественного объяснения человеческому существованию, как человеческому способу существования живого, нет. Науке тут делать нечего, она не пытается объяснить смысложизненную функцию человеческого бытия, а скорее отрицает ее и не навязывает человеку проповедь, оставаясь в рамках чистой рациональности, объясняющей природные основания жизни людей. Но религия, в отличие от интернациональной науки, в своем поводярском стремлении их приобщения к Божественной благодати не указывает путь к вселенскому братству, она всегда ограничена рамками избранности, за пределами которой людям, не охваченным этими рамками, отказывается в праве на человеческую жизнь.

Следовательно, в вопросе о человеке наука и религия не альтернативные антиподы. С одной стороны, они противоположны в том, что наука не дает

человеку ни надежды на вечную жизнь, ни избавления от страха смерти, ни указания смысла жизни как бесконечно малого мига перед лицом вечности, наполненного пустой суетой и страданием, а религия все это предоставляет сполна и, к тому же, освобождает человека от конечной ответственности за свой грех, взятый Богом на себя. Тем не менее, вера во всемогущество науки, по сути, совпадает с религиозной верой: достижение благодати откладывается на неопределенное будущее, на некоторое “потом”, когда вечная благодать будет “там”. Более того, наука и религия взаимодействуют и взаимодополняют друг друга в виде своеобразного разделения труда в процессе бескомпромиссной борьбы людей за существование – религия обозначает своих и чужих, наука обеспечивает их средствами борьбы.

В условиях новой социальной реальности стала понятной техносоциальная формула общества, в соответствии с которой общественное производство, независимо от уровня развития, принципиально не может обеспечить всеобщее выживание людей, из чего следует его насильственный характер и наличие в обществе отношения “цель - средство” в качестве фундаментального социального отношения. Эта формула не выводится как результат научного поиска, а является сугубо философским онтологическим продуктом, давая науке методологию исследования общественной жизни, а религии рациональную мировоззренческую схему, позволяющую освободиться от наивных рассуждений по поводу нормативности человеческой жизни. В частности, в техносоциальную формулу органично вписываются понятия грехопадения, искупления, покаяния, жертвы и т.п. Она предоставляет равные возможности науке, религии и философии в построении объяснительных моделей человека.

Интерпретация библейских положений в контексте техносоциальной формулы: наказание человека трудом (в поте лица своего) и бескомпромиссной борьбой с себе подобными за существование, не имеющее, в конечном счете, ни высшей цели, ни смысла, кроме самого существования как такового. Человек расплатился этим за свой человеческий способ жизни, т.е. за выход из

естественно-природного равновесия на основе знания, за обретение самого знания и гордыню, выразившуюся в стремлении охватить своим знанием и преобразовать окружающий мир, подчинить себе природу. Получается, что первозданный рай – это не что иное, как естественная жизнь людей в их первобытном существовании. Обречение человека на труд связано с его переходом к цивилизации, производящему способу жизни. Таким образом, первородный грех заключается в попытке вырваться за пределы естественно-природного равновесия, наказанием за что и стал не имеющий конечного позитивного результата труд.

Одно дело, когда не объяснить смысл материального существования человека в рамках абстрактного абсолютистского-прогрессивистского подхода, предполагающего отсутствие границ расширения материально-предметной жизни и достижение гипотетического коммунизма, когда человеку доступно абсолютно все, однако он не превосходит своей бесконечной малости перед лицом бесконечно большого универсума. Но совсем другое дело, когда в контексте действия техносоциальной формулы материальная жизнь человека не может состояться вне борьбы с себе подобными, вне превращения одного человека в средство существования другого человека, когда смысл жизни видится уже не просто в самой жизни, а в бесконечной бескомпромиссной борьбе за нее, смысл которой не объяснить уже потому, что сама жизнь не имеет смысла. Религия не дает объяснения существования человека, она лишь оправдывает его и призывает к смирению с безысходностью своего бытия.

Ощущение действия техносоциальной формулы означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы, как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном

существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни.

Историческая необходимость религиозного оформления социальной жизни вытекает не из результатов абстрактного спора о признании или отрицании существования Бога как такового, а из практики социальной борьбы. Столкновение социальных интересов – это, в конечном счете, столкновение в борьбе за выживание, которая объективно бескомпромиссна и потому абсолютна. Она не имеет рационального обоснования вне самого факта стремления к жизни и нуждается в опоре на идеологический абсолют, такой же всеобщий и универсальный, как сама борьба за выживание. Борьба за своего Бога есть борьба за свое исключительное право на жизнь, и наоборот, – борьба против чужого Бога есть оправдание борьбы против чужой жизни.

Признание или отрицание существования Бога есть всего лишь разные объяснительные модели бытия. Применительно к природе они противоположны (относительно). Применительно к человеку критерии их разделения отсутствуют. Кто ответит на вопрос – кто такой или что такое человек? Ученый, богослов или философ? Что есть начало человека – его природа или сущность? Наука выдвигает на первый план природу человека, его существование, а сущность науке неподвластна, поскольку она выражает не само существование, а переживание его человеком. Поэтому не случайно в рамках богословия речь идет о метафизической природе человека, которая и есть его сущность.

Философия предметна в том смысле, что всегда предполагается философское осмысление некоего позитивного знания о некоем предмете. Философия природы, техники, науки, общества, человека и т.д. опирается на позитивное знание всего этого, определением сущности чего и является философией. Следовательно, философия религии требует позитивного знания религии (богословия), философия человека требует позитивного знания человека (антропологии). Позитивного знания о человеке недостаточно для

полноценного философствования, но нельзя подменять философию человека философией религии, хотя они и переплетаются друг с другом.

Человек всегда был загадкой для самого себя. Если оставаться в рамках абсолютистского прогрессивизма, то будет бесконечное плетение интеллектуальных кружев в понимании человека при отсутствии единых исходных посылок в его рассмотрении, без достоверных критериев истинности. Надо идти вперед и сформулировать исходную онтологическую посылку, снять ореол загадочности с человека, а потом уже решать проблему его понимания. Поскольку рационально обосновать человеческий способ существования живого невозможно, а жить совместно и выстраивать отношения надо, то нужно иметь некие позитивные допущения. Здесь неизбежно на первый план выступает богословие. Иначе говоря, следует идти вперед от бесконечного плетения узоров поиска путей к заданному бытию к решению проблем единения людей при отсутствии самой заданности его.

Единство науки и религии означает социально обусловленное единство рационального и мистического в отношении к человеку, поскольку без рационального (в настоящее время научного) невозможно обеспечить материальное существование, а без мифологического, неизбежно приобретающего мистические формы, не обозначить целевые ориентиры человеческой жизни, а следовательно, не иметь мотивации, движущей силы индивидуального и общественного развития.

Тем не менее, наука изначально характеризуется единством картины мира, культура также все более интернационализируется и приближается к единству, разобщенными остаются религии (церкви как социальные институты, задающие формы социальной организации), именно они остаются сферой идеологической борьбы общностей за существование. Это совсем не отвлеченный вопрос, от него не могут остаться в стороне ни ученый-теоретик, ни инженер-практик.

Религия в качестве идеологии наиболее универсальна, но Россия чересчур дифференцирована в религиозном плане. Здесь открывается только один путь –

выработка отношения к России как к *своей* общности, формирование образа *своей* страны. Эта модель выше религиозной. В связке “церковь – государство – семья” вместо церкви может быть введено понятие команды. Страна как одна команда, а церкви – разные команды. Не может быть идеологии существования всех, обосновывающей всеобщее существование, одинаковое для всех по праву на него. Религия в качестве идеологии недостаточна для широких по своему составу общностей, если не признавать фундаментализм, который представляет собой разделение, форму дифференциации в рамках одной (общей) религии. В безмерном пространстве человеческого бытия нет ни истинных, ни ложных направлений жизни, а есть только сама жизнь, являющаяся ценностью сама по себе и в самой себе содержащая цель и смысл. Разные формы объяснения мира делятся не на более или менее истинные, а на более или менее эффективные в качестве средства выживания.

Человек, осознающий действие техосоциальной формулы, оказывается неспособным к определенной целенаправленной деятельности, поскольку любое действие, даже в рамках открыто заявленного стремления к превращению окружающих людей в средство собственного существования, не имеет рационального обоснования, оказывается бесцельным и бессмысленным. Рационально обосновать деятельностьную целеустремленность, активность жизненной позиции вообще невозможно. Человек активно действует только в мифе, независимо от средств его формирования в общественном или индивидуальном сознании, будь то психотерапия, действие галлюциногенов, церковная проповедь или речь вождя-параноика. Любая вера иррациональна, но только она обеспечивает обоснование человеческой активности. Отсутствие веры обуславливает отсутствие воли к жизни, поскольку без духовной составляющей простая организменная воля слепа. Соединение сильной веры и сильной воли дает нам целеустремленную, деятельностьную личность.

Авторская справка

Горюнов

Валерий

Павлович

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Заведующий кафедрой философии

Доктор философских наук, профессор

“Наука и религия: абсолютность и относительность альтернативы”

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, СПбГПУ, Гуманитарный факультет, кафедра философии, Горюнову В.П.

Т/ф: (812) 552-87-01

Gorynov42@mail.ru

192071, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, д. 33, кор. 2, кв. 39.

Тел.: 774-72-25; +7 911 722 72 65.

